

Г.В. Цулая

ЭПИЗОД ИЗ ЖИЗНИ СВ. ГЕОРГИЯ

На исходе прошлого столетия в очередном выпуске «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа» в рубрике «Картвельские легенды» был опубликован материал учителя Баралетской сельской школы (р-н Боржом) И. Санакоева «Об Иисусе Христе, пророке Илье и св. Георгии»¹. Указанное издание давно стало библиографической редкостью, поэтому считаю полезным полную перепечатку легенды.

«Шли дорогою вместе Иисус Христос, пророк Илья и св. Георгий. Утомленные долгим путешествием, они остановились отдохнуть и, между прочим, пообедать. Около того места, где остановились отдохнуть путешественники, пас стадо овец пастух, к которому они послали пророка Илью выпросить одного барана себе на обед. Пр. Илья пошел к пастуху и говорит ему:

– Подари мне, добрый пастух, одного барана.

– Гони хоть полстада, – говорит ему пастух, – но только скажи мне, кто ты такой.

– Я – пророк Илья: я даю вам хлеб, посылаю на ваши поля дождь и вообще покровительствую крестьянскому труду, – отвечал св. Илья.

– Ох! если бы я не боялся своего Бога, я разбил бы вот этой палкой тебе голову, – говорит пастух.

– За что ты сердит на меня? – спрашивает св. Илья.

– А вот за что: посетит несчастная вдова или какой-нибудь другой бедняк полосу земли хлебом, а ты ни с того, ни с чего посылаешь град именно на их ниву и опустошаешь ее.

Так пророк Илья вернулся с пустыми руками к своим спутникам и передал им разговор, который имел с пастухом. Выслушав Илью, Иисус Христос Сам отправился к пастуху просить у него барана.

– Гони хоть полстада, – говорит ему пастух, – только скажи, кто ты такой.

– Я – Господь ваш, Творец мира.

– Ох! если бы я не боялся Бога моего, я разможил бы тебе голову вот этой палкой, – говорит пастух.

– А что я тебе сделал такое? – спрашивает пастуха Иисус Христос.

– А то, что губишь молодых людей, между тем как оставляешь в живых много таких стариков, которым даже надоело жить, – отвечает пастух.

Таким образом, вернулся ни с чем и Иисус Христос. Теперь пошел к нему св. Георгий. Когда пастух пожелал узнать о личности св. Георгия, то он ответил ему:

– Я – св. Георгий, которого вы призываете, находясь в нужде; я защищаю вас от злых духов-дьяволов и исторгаю вас из рук притеснителя.

Выслушав св. Георгия, пастух воскликнул:

– Гони все стадо, – и пал перед ним на колени.

После обеда Иисус Христос, отряхнув прах от платья, сказал:

– Пусть на этом поле будет отличный урожай, пусть с одного снопа падает по сто код².

Св. Георгий передал слова Иисуса Христа пастуху и посоветовал ему вспахать это поле. Пастух так и сделал. Через несколько времени чудным путешественникам пришлось проходить по тому месту, где они недавно пообедали и где теперь рос богатый хлеб. Иисус Христос, узнав от св. Георгия, что нива эта принадлежит тому пастуху, который в прошлый раз отказался подарить Ему барана, сказал пророку Илье, чтобы он послал на ниву пастуха град и опустошил ее. Св. Георгий немедленно сообщил пастуху об опасности, которая грозила его ниве, а пастух поспешил продать ее одной вдове за два быка. Между тем пошел град и до того опустошил эту ниву вдовы, что от

посева не осталось и следов. Когда Иисус Христос узнал о поступке пастуха, то Он приказал пророку Илье восстановить на ниве вдовы посев в прежнем состоянии. Не успел еще пророк Илья привести в исполнение приказание Иисуса Христа, а пастух по внушению св. Георгия уж купил обратно себе ниву от вдовы. Когда нива была восстановлена пророком Ильей до прежнего состояния, то пастух приступил к уборке с нее хлеба и с каждого снопа получил до 100 код».

Приведенный рассказ не может не вызвать недоумения. Как могло случиться, что в Грузии образ Спасителя, слово Которого здесь звучало в полную силу еще с рубежа III–IV вв., а затем здесь же создавались повествования о местных святых, положивших за веру Христову души и головы, был заслонен одним из немногих великомучеников, также отдавших жизнь свою за Иисуса Христа?

В «картвельской» легенде происходит негласное состязание между Христом и св. Георгием, заканчивающееся в пользу последнего. После сытной трапезы, состоявшейся благодаря св. Георгию, Иисус благословляет поле на богатый урожай, а св. Георгий тайно тут же передает Его слова пастуху, презревшему Христа. Но последний узнает, что благословленное им поле принадлежит пастуху, и велит пророку Илье послать на ниву град. Св. Георгий тайно сообщает пастуху о грозящей его ниве опасности, и тот «за два быка» продает свою ниву некой вдове. Узнав об этом, Христос приказал пророку Илье восстановить посев. Но восстановленная нива по тайному внушению св. Георгия вновь достается пастуху.

Св. Георгий – один из 22 христианских великомучеников – мифологизированный образ современника и воина императора Диоклетиана (284–305). Уроженец Каппадокии, он, по преданию, принадлежал к местной знати и в рядах римской армии дослужился до высших чинов. Римский офицер Георгий погиб от рук императорского палача в период возобновления Диоклетианом в последние годы своей жизни жестоких гонений на христиан.

Особая популярность этого христианского Геракла, очистителя земли от всякой скверны, боровшегося за народные нужды, отразилась и в самом демократическом характере его имени: греч. Георгиос – «землепашец» – имя, неизвестное античности, но зафиксированное в поздний период раннего христианства, первым носителем его и стал убиенный за христианскую веру римский воин.

Вряд ли можно сомневаться в реалистичности ядра биографии св. Георгия, созданной в манере ортодоксальной византийской литературы. Сведения о разных местах его рождения должны указывать либо на борьбу этих местностей за честь считаться родиной великомученика, либо, что вероятнее всего, на особое распространение его культа в каждой из них. В этом смысле примечательно исламское влияние на биографию св. Георгия внекоранического Джирджиса, приурочение его происхождения к наиболее важным регионам раннего ислама (ливано-палестинские земли).

После превращения христианства в официальную религию блестящий аристократ и храбрый воин Георгий – можно сказать, далекий прообраз европейского джентльмена, – сложивший голову во имя Христа, был причислен Церковью к сонму небесных покровителей христоролюбивого воинства³.

Очевидно, многими религиозно-мифологическими чертами, восходящими к международным фольклорным мотивам⁴, св. Георгия продолжали наделять и после отнесения его к лику святых великомучеников. Как известно, ни один из христианских великомучеников в этом смысле не превзошел каппадокийского офицера – самого мифологизированного в сонме святых воинов Христа. Неслучайно, на родине св. Георгия – в Византийской империи – он именовался «взраченным Богом»⁵.

Как сказано выше и как хорошо известно, св. Георгий – единственный Христов воин, получивший признание у приверженцев ислама под арабизированным именем Джирджис, «ученик Исы» (Иисуса Христа) – «он один из главных некоранических фигур, почитаемых представителями обеих религий»⁶.

Византийские агиографические сказания сохранили легендарные эпизоды, связан-

ные с обращением мусульман («сарацин») в христианство по внушению св. Георгия. «Араб, прежде лютый волк», исполненный на христиан «гнева и ярости», «стал кроткой овцой» лишь после видения ему «в храме преславного мученика Георгия»⁷.

Сам факт внедрения св. Георгия в мир ислама свидетельствует о его высоком месте в христианском мире. В современном мусульманском ономастиконе имя Джирджис не встречается, вероятно, ввиду его совершенно очевидного греко-византийского происхождения.

Культ и легенды о св. Георгии и его подвигах в Грузии получили широкое распространение как в устной традиции, так и в письменной культуре. В древнегрузинской литературе развитый культ св. Георгия встречается еще в I тысячелетии. Некоторые ученые считают (и достаточно убедительно), что письменному повествовательному виду легенд о св. Георгии в Грузии предшествовали фиксации его образа в изобразительном искусстве, где традиционно побежденному Дракону соответствует голова в царской короне, символизирующая Диоклетиана⁸.

К X в. назрела необходимость кодификации существовавших молений о св. Георгии. В этот период появился сборник песнопений, посвященных популярному святому. Известны его автор, приблизительная дата выхода и даже заказчик. Канонический сборник «Песнопения св. Георгию, сказанные блаженным Минчхи», был создан в грузинской монашеской колонии на Синае писателем и поэтом Иоанном Минчхи. У этого сборника имеется приписка: «Песнопения же сии преобильными просьбами доброго великого царя Георгия написал Минчхи»⁹. По хронологическим расчетам К.С. Кекелидзе, в приписке идет речь о правителе Абхазского царства Георгии II¹⁰, о котором грузинский летописец отзывается восторженно.

Именно с этого времени среди грузин распространяется антропоним «Георгий». Показательна география этого святого имени. Поначалу оно получило популярность в Тао-Кларджети (Юго-Западная Грузия) и затем в процессе ее союза с возвышавшимся Абхазским царством вытеснило из антропонимического репертуара его правителей имена византийских императоров, став здесь одним из наиболее популярных, с ориентацией на культ св. Георгия (о чем косвенно может свидетельствовать труд Иоанна Минчхи).

Грузинский историк Вахушти Багратиони (первая половина XVIII в.) передает местное христианское предание о кровном родстве св. Георгия с христианской просветительницей Грузии равноапостольной Нино: оба они происходили из Каппадокии (что исторически не исключается), «поэтому большинство чудес великомученика Георгия и были сотворены им (в пределах) всей Иверии, ибо нет ни холмов, ни гор высоких, на которых не была бы воздвигнута церковь св. Георгия, и потому европейцы и греки именуют ее Джорджаном, а русские – Грузией, и магометане – Гурджаном, согласно своей орфографии, но все это – Георги»¹¹.

Еще за много столетий до Вахушти Багратиони грузинские книжники усердно переводили с греческого византийские легенды о Георгии Победоносце. Среди авторов оригинальных сочинений о нем (кроме Иоанна Минчхи) такие знаменитые в истории грузинской литературы, как Абусеридзе Тбели, Амбросий Некресели, Габриел Мцире (Малый), Свимон Деканоз, Датуна Квариани. Култ св. Георгия в оригинальных древнегрузинских произведениях о нем объективно уравнивал в православном мире грузин с византийцами, которые всегда ущемляли «инородцев» в вопросах вероисповедания. Таким образом, литературные предания о св. Георгии в известной степени играли в византийско-грузинских отношениях ту роль, которая так четко отражена в известных в христианском мире преданиях о миссионерской деятельности апостола Андрея Первозванного.

Грузинские предания о св. Георгии делятся на устные и письменные. Первые – плод преимущественно внехристианского творчества грузинских племен. Впоследствии, с развитием у грузин письменности, языческие пережитки (не только на периферии грузинского населения) должны были во многом стимулировать образование новых полужазыческих легенд о древнем христианском герое.

В сочинениях перечисленных выше авторов, как и в устных преданиях грузин, ничего не говорится о «посрамлении» Иисуса Христа, о чем сообщает публикация И. Санакоева. Ничего подобного нет и у писавших о культе св. Георгия в Грузии иностранных авторов А. Ламберти, Ж. Шардена, а также у А. Суханова, С. Белокурова и др.

Иное дело, что в обрядах некоторых горских племен Восточной и Центральной Грузии к св. Георгию обращались порой как к Богу¹². Но, во-первых, это происходило в среде, по быту и образу жизни близкой к народам Северного Кавказа, которые воспринимали христианство сквозь призму местных социально-культурных особенностей, с предпочтением своих языческих божеств; во-вторых, отношение к св. Георгию как к богоравному у грузинских горцев нигде не доходит до уничтожения Иисуса Христа. Они верили в богоравность св. Георгия, но не допускали богохульства. Это легенды разной этнической среды и потому разных уровней развития бытового христианства. Объяснение содержания записанной И. Санаковым «картвельской» легенды следует искать вне грузинского этноса.

Самой восприимчивой к христианству на Северном Кавказе оказалась Алания (естественно, с учетом ее племенной неоднородности), до активизации правителей Абхазского царства в X в. приобщавшаяся к учению Христа через Картли (Восточная Грузия). Но главным протагонистом христианства в этом субрегионе Северного Кавказа, как свидетельствуют источники, был Георгий II Абхазский. Именно со времени правления этого выдающегося династа Западной Грузии аланы более, чем другие народы Северного Кавказа, были вовлечены в круг народов византийского мира на основе общегрузинской традиции. Не случайно, что из всех языков народов Северного Кавказа именно в осетинском обильно сохранилась грузинская терминология христианского культа.

После грузин культ св. Георгия на Кавказе вряд ли у кого до сих пор так развит, как у осетин, которым он известен преимущественно под основательно ассимилированным именем Уастырджи.

В.И. Абаев пишет, что Уастырджи наделен «чертами солнечного божества»¹³. Я не буду фиксировать внимание на этом определении, но одно безусловно – Уастырджи христианизован слегка и в этом плане ближе св. Георгию из публикации И. Санакоева, чем к какому-либо иному (грузинскому) варианту образа этого святого. Заимствованный из Закавказья образ св. Георгия занял в христианизованных воззрениях предков осетин то же доминирующее среди прочих святых место, что и у грузин.

Согласно литературным и полевым этнографическим материалам, из всего окружения верховного языческого божества осетин Хуыцау предпочтение отдается одному лишь Уастырджи (св. Георгию), которого В.И. Абаев квалифицирует как «популярнейшее божество осетинской мифологии» и который носит эпитеты «золотой», «златокрылый»¹⁴. Глубокий пиетет к Уастырджи отмечен и в нарговских сказаниях осетин, которые отличаются реалистичностью отражения бытовых сцен. Сказания свидетельствуют о всеобщем поклонении именно этому персонажу осетинской мифологии. «Люди клянутся именем нашего мужа! – восклицает одна из жен Уастырджи. – Лучшие из них клянутся им!»¹⁵.

Среди других божеств осетин дохристианского периода ближе всего к верховному богу Хуыцау, как пишет современный югоосетинский историк Л.А. Чибиров, «стоит Уастырджи, который, как правило, занимает место рядом с ним, является посредником Хуыцау между небом и землей»¹⁶. «Лишь Уастырджи удостоился той чести, что в молитвах его имя было поставлено рядом с именем Хуыцау... С молитвы об Уастырджи начинается и кончается осетинское праздничное застолье; имя его окружено ореолом недосягаемого почета и обожания, многочисленными легендами, преданиями»¹⁷.

Образ Уастырджи – наиболее почитаемого бога языческо-христианской Осетии, покровителя мужчин и т.д., судя по различным формам его имени, как считает В.И.

Абаев, «примыкает не к греко-лат. *Georgius* и не к груз. *Giorgi*, а к мегр. *Gerge*»¹⁸. Среди мегрелов встречаются антропонимы, в основе которых лежит имя Георгий в его святой ипостаси, например Гергедава, Гегенава (один из Гегенава был послом грузин в Москве допетровской эпохи). Автор данной статьи родился и вырос в среде, где имя св. Георгия было у всех на устах даже в эпоху воинствующего безбожия.

Таким образом, антропонимические данные свидетельствуют о путях проникновения культа св. Георгия к осетинам, в свою очередь оказавшим в этом плане влияние на некоторые народы Северного Кавказа. Ранний этап проникновения культа св. Георгия к осетинам можно отнести к эпохе, когда племена алан жили по соседству с мегрелами, как предполагали С.Н. Джанашиа и В.И. Абаев, в области верхнего течения р. Кодори¹⁹. Точно так же, как у грузин, посвященные св. Георгию (Уастырджи) «святилища были рассеяны по всей Осетии»²⁰.

В.И. Абаев пишет, что «у осетин, как у грузин и русских, св. Георгию особенно повезло во всенародном признании и популярности. Свой ореол он унаследовал, надо полагать, от тех дохристианских божеств, преемником которых он стал и функции которых он воспринял»²¹.

Таким образом, если у грузин св. Георгий являлся третьим (после Христа и Пресвятой Матери его) образом по святости, то у осетин, в религиозное сознание которых не вошла Богородица, он занял второе место после верховного языческого божества. Перед нами факт неглубокого вовлечения алан в целом, как и других народов Северного Кавказа, в культурную орбиту народов византийского мира.

К ним могут быть отнесены и древние абхазы на западе Кавказа и дагестанцы – на востоке. Таким образом, территориально и культурно-исторически близки к грузинам не только аварцы. В 1929 г. во время научной экспедиции на Северный Кавказ и в Дагестан С.Н. Джанашиа писал о частых случаях фиксации имени «Георгий» на могильных плитах старых лакских кладбищ и тут же подчеркивал, что «в наше время» они встречаются реже²². В среде аварцев, еще в XIV в. умевших высекать на камнях грузинские тексты²³, образ св. Георгия мог проникнуть и письменным путем.

Абхазский культ св. Георгия по-своему оригинален, и генезис его достаточно прозрачен. Он мало похож на образ Уастырджи, а также на культ св. Георгия у других народов Северного Кавказа. Тем не менее, судя по материалам, к осетинам и абхазам образ св. Георгия проник одним и тем же путем – из мегрельского источника²⁴. В среде абхазов его мегрельские корни проявляются несравненно явственнее, чем у осетин, у которых они обнаруживаются лишь по антропонимическим данным. Проникновение св. Георгия в области религиозных верований абхазов связано с той функцией Мегрелии в истории Абхазии, о которой писали еще С.Н. Джанашиа и З.В. Анчабадзе: Мегрелия была звеном, культурно связывавшим Абхазию с Грузией²⁵. Не случайно, что именно в той части Абхазии, которая исторически и культурно особенно тесно примыкала к Мегрелии, возник один из центров поклонения св. Георгию в Грузии – Илорский храм (на месте автохтонной некогда языческой молельни, по-абхазски называемой Елып-Ныха)²⁶.

О месте мегрельского этнического элемента в формировании культа св. Георгия среди абхазов достаточно отчетливо говорят его абхазские номинации, происхождение которых не может вызывать сомнений: агырдыз-ныха, агырдыз-ныха, что в переводе означает «мегрельская молитва». Можно привести и другие названия того же культа: асалерти, из мегр. са-алерто в значении «то, что относится (или принадлежит) Алерти», т.е. Алертскому храму св. Георгия в одноименном грузинском селе, а также агырвы-ныха – «мегрельская молитва». «Это как бы злой дух головной боли, – писал Н.С. Джанашиа, – мигрени, кровотечения из носа и недержания мочи... Этому духу молятся, когда больной страдает обыкновенно одной из этих болезней»²⁷.

Учитывая все приведенные выше факты, можно сделать вывод: религиозный смысл публикации баралетского учителя И. Санакоева, очевидно, не вписывается в

грузинские предания о св. Георгии. Поставленный в один ряд с Христом св. Георгий не только активно Его превосходит, но и посрамляет. Осетинский Уастырджи – лицо «второго порядка». Находиться рядом с Хуыцау для Уастырджи – честь, какая не выпадала никому в языческом пантеоне осетин, в то время как св. Георгий «картвельской» легенды не раз посрамляет Христа. В последнем случае мы имеем дело с подлинным антикультом Иисуса Христа в пользу христианского святого; это парадоксы «поверхностной христианизации». Для христиан-грузин это неприкрытое богохульство.

Записанный И. Санакоевым текст не является христианским по существу, а библейские имена – более чем условные внешние атрибуты. Эта легенда композиционно построена по образцу сюжетов волшебных сказок «о трех братьях», из которых младший (в «картвельской» легенде св. Георгий занимает третье место) выходит победителем в тяжбах со старшими братьями. Христос в «картвельской» легенде лишен всяких новозаветных «функций», а св. Георгий иерархически связан с ним не более, чем третий брат с остальными в волшебных сказках. И это вопреки тому, что мы знаем из грузинских легенд о св. Георгии Победоносце и из посвященных ему гомилией.

Выявление источника «картвельского» предания могло бы решить вопрос и об этнической среде его бытования. В связи с этим обращает на себя внимание тот факт, что автор публикации носит фамилию Санакоев. Грузин с такой фамилией нет, она типична для осетин. Но какое это может иметь отношение к опубликованному им материалу и что бы могло значить помещение его в рубрику «Картвельские легенды»?

Поверхностность христианизации осетин заключалась и проявлялась в том, что образ Христа не смог и не мог ввиду отсутствия у народов Северного Кавказа, в том числе у осетин, развитой книжной традиции вытеснить из народных религиозных верований главу языческого пантеона; не было условий для принятия образа Спасителя, слишком зависимого от книжности. Перед возникшими в этой связи трудностями оказались тщетными самоотверженные подвиги христианских миссионеров-книжников, в том числе и из Абхазского царства.

В Грузии осетинское население было значительным и с течением времени стало идентифицировать себя с собственно грузинами. Представления о св. Георгии у христиан-грузин и христиан-осетин во многом совпадали, за исключением основного – культовой иерархии. Записанная И. Санакоевым «картвельская» легенда могла возникнуть только в среде осетин Грузии, недостаточно четко разбиравшихся в христологии: Иисус Христос Спаситель назван Богом Творцом. Такой уровень христианского вероисповедания осетины принесли с Северного Кавказа и не могли (или не смогли) изменить данному порядку. Именно этот факт и зафиксирован в «картвельской» легенде «Об Иисусе Христе, пророке Илье и св. Георгии», записанной осетином И. Санакоевым, явно маргинализованной в грузинской среде личностью. Опубликованная им легенда относится к тому виду устных житий, которые могли быть составлены в кругу народов византийского мира или испытавших его влияние. Это так называемое народное направление²⁸. Жития передавались из уст в уста до тех пор, пока на них не обратили внимание книжники.

Создавая свою многотомную «Историю грузинского народа», И. А. Джавахишвили в главе, посвященной грузинскому язычеству, обратил внимание на публикацию И. Санакоева, выразив досаду, что она была осуществлена не на языке оригинала. Тем не менее ученый использовал ее в качестве уникального материала для определения иерархии божества в языческом пантеоне грузин²⁹ (налицо историческая aberrация, о которой, однако, здесь не место говорить). Именно он заметил смешение в легенде понятий Творца и Спасителя.

Кроме того, в «картвельской» легенде пастух постоянно ссылается на «своего Бога». Это сакральное выражение до сих пор бытует в речи грузин, но существенно то, что оно коррелирует с грузинскими же письменными источниками. В сочинении

Джуаншера Джуаншеряни (XI в.), отразившем архаические пласты религиозных верований, вероятно, не одних только грузин, повествуется о том, как перед поединком с овским (осетинским) богатырем Тарханом грузинский царь Вахтанг (V в.) обратился к своим разноплеменным воинам с вдохновенной речью. После слов «молитесь Господу и не сомневайтесь!» потрясенные воины молились – всяк «своему богу». Это ясное свидетельство того, что в войске христианнейшего грузинского царя V в. служили представители племен, которые не были знакомы с монотеизмом.

Таким образом, записанная учителем одной из школ Центральной Грузии легенда «Об Иисусе Христе, пророке Илье и св. Георгии» является плодом творчества огузиненных осетин, сохранивших в религиозных верованиях образ мысли своих северокавказских пращуров.

Примечания

¹ Санаков И. Об Иисусе Христе, пророке Илье и св. Георгии // Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 19. Отд. III. Тифлис, 1894. С. 152–154.

² Коды – мера веса в дореволюционной Грузии.

³ См.: Аверинцев С.С. Георгий Победоносец // Мифы народов мира. Т. I. М., 1991. С. 274 и сл.

⁴ См.: Фрезер Дж. Золотая ветвь. М., 1980. С. 148–150.

⁵ Полякова С.В. Византийские легенды как литературное явление // Византийские легенды. М., 1994. С. 263.

⁶ Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991. С. 66.

⁷ Византийские легенды. С. 200–201; см. также легенды в изложении А.И. Кирпичникова в его до сих пор не потерявшей своего значения книге «Св. Георгий и Егорий Храбрый». СПб., 1879. С. 1–3.

⁸ Святой Георгий в древней грузинской литературе / Составил, подготовил к печати, предисловием, словарем и комментариями снабдил Э. Габидзашвили. Тбилиси, 1991. С. 9–10 (на груз. яз.).

⁹ Джавахишвили И.А. Описание грузинских рукописей Синая. Тбилиси, 1947. С. 11.

¹⁰ Кекелидзе К.С. История грузинской литературы. Т. I. Тбилиси, 1960. С. 171–172 (на груз. яз.).

¹¹ Вахушти Багратиони. Описание царства Грузинского. Тбилиси, 1973. С. 730. Здесь явная реминисценция с легендой о том, что казненный св. Георгий был расчленен на 360 частей и на месте упокоения каждой его части была воздвигнута церковь.

¹² Святой Георгий в древней грузинской литературе... С. 6–7.

¹³ Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. IV. М., 1979. С. 55.

¹⁴ Нарты. Осетинский героический эпос. Кн. 2. М., 1989.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Чибиров Л.А. Древнейшие пласты духовной культуры осетин. Цхинвали, 1984. С. 56–57.

¹⁷ Там же. С. 57.

¹⁸ Абаев В.И. Указ. раб. С. 56.

¹⁹ Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. Т. I. М., 1949. С. 540. Не отсюда ли мегрельская фамилия Аланиа и абхазская Алан, в свое время отмеченные и Н.Я. Марром (см.: Марр Н.Я. О языке и истории абхазов. Сухуми, 1938. С. 57).

²⁰ Абаев В.И. Историко-этимологический словарь... С. 55.

²¹ Абаев В.И. Избр. труды. Т. I. Владикавказ, 1990. С. 133.

²² Джанашиа С.Н. Труды. Т. IV. Тбилиси, 1968. С. 157.

²³ Чикобава А.С. Грузинско-аварская надпись XIV в. из Дагестана // Сообщ. АН Груз.ССР. Т. I. № 4. Тбилиси, 1940.

²⁴ Джанашиа Н.С. Статьи по этнографии Абхазии. Сухуми, 1960. Нельзя отрицать и роль сванов в формировании абхазской версии культа св. Георгия. Достаточно отметить, что на территории современной Абхазии имеется яркое свидетельство этого в виде топонима – названия абхазского села Джгерда, что по-свански означает «святой Георгий» (см.: Марр Н.Я. О языке и истории абхазов. С. 57 и др.).

²⁵ Анчабадзе З.В. Из истории средневековой Абхазии. Сухуми, 1959. С. 276, со ссылкой на работу С.Н. Джанашиа «Георгий Шарвашидзе».

²⁶ Кацян А. Илори. (Памятник XI в.). Сухуми, 1963.

²⁷ Джанашиа Н.С. Указ. раб. С. 71.

²⁸ Полякова С.В. Указ. раб. С. 246.

²⁹ Джавахишвили И.А. История грузинского народа. Т. I. Тбилиси, 1964. С. 41 и сл. (на груз. яз.).

G.V. T s u l a y a. One episode of the life of Saint-George

In 1894 the legend «About Jesus Christ, prophet Ilija and Saint-George» had been published. The author analyses this source in connection with cultural traditions of Georgians.

© 1997 г., ЭО, № 6

Н.П. Л о б а ч е в а

К ИСТОРИИ СРЕДНЕАЗИАТСКОГО КОСТЮМА: КИРГИЗСКИЕ БЕЛДЕМЧИ

Известно, что в традиционном народном костюме сохраняются черты, несущие информацию о далеком прошлом народа, о его генетических корнях. В костюме народов среднеазиатско-казахстанского региона таких свидетельств немало. Мы рассмотрим здесь народы, объединенные, как теперь известно, кипчакским элементом в этногенезе. В их костюмном комплексе есть целый ряд экзотических видов одежды с богатой исторической традицией. На эту группу предметов костюма мы уже указывали¹. Это *саукеле* – свадебный головной убор невесты и праздничный молодежи, *кимешек* – деталь головного убора замужней женщины, *белдемчи* – поясная одежда замужней женщины, *онир*, *онирше* – вышитый нагрудник, вышитые нарукавники *женгсе* – в женском костюме. В мужском костюме – головной убор *тымак*, *тумок*, летняя шапка типа башлыка *кулепара*, войлочная или из ткани шапка *калпак*, распашная рубаха *жегде*, войлочная одежда *кебенек*, наборный пояс *кемер*, тамбурно-петельная вышивка по черно-красному фону и др.

Указанный набор предметов встречается в традиционных костюмах казахов, киргизов, каракалпаков, дештикипчакских узбеков, туркмен-чоудоров и ряда других народов (башкиры, ногайцы). В свое время данное обстоятельство привело автора к мнению, что наличие в костюмах некоторых современных народов комплекса одних и тех же элементов (не всегда в полном составе) может означать принадлежность их в прошлом костюму какого-то одного этнического образования, ставшего в процессе формирования перечисленных выше народов одной из составляющих их этногенеза и, таким образом, их культуры. Убедительным свидетельством этого является то, что все отмеченные элементы костюма в наше время, имея своеобразие у каждого народа, четко сохранили одни и те же функции, близкую терминологию, значительную общность во внешнем виде, покрое и оформлении, а также в материалах изготовления.

Каждый из перечисленных выше предметов костюма имеет свой исторический прототип, который, видимо, бытовал незадолго до завершающего этапа формирования названных народов в период позднего средневековья. Создателями отмеченного костюмного комплекса являлись, очевидно, средневековые кипчаки – общий и наиболее поздний этнический компонент их этногенеза (благодаря чему так четко сохранилось сходство ряда элементов костюма).

Углубленное рассмотрение каждого элемента костюма из приведенного перечня может привести к другим интересным выводам по проблемам этногенеза народов среднеазиатско-казахстанского региона и в который раз подтвердить мнение, что традиционная одежда, как, впрочем, и другие элементы материальной и духовной культуры, является существенным историко-этнографическим источником по этнической истории народов. Так, дальнейший анализ данных о свадебном головном уборе *саукеле* позволил соприкоснуться с более ранним этапом этнической истории назван-